Annotation

Что станет с Солнечной системой когда наша звезда состарится а ее обем поглотит орбиту венеры и Меркурия? Начало повести перекликается с одной из сюжетных линий «Третьей Расы» поэтому ранее «Потерянная» хранилась в запаснике.

Андрей Ливадный ПОТЕРЯННАЯ

Зал анабиоза был пуст.

Им уже давно овладела вязкая тишина, настолько всеобъемлющая, что в ней казался невозможным даже легкий шорох.

Мрак, сгущавшийся по углам прямоугольного помещения, редел лишь к его центру, где располагался изогнутый полукругом пульт управления. На его центральной панели сиротливо горели три красные лампы, являвшиеся тут единственным источником света.

По обе стороны пульта, вдоль стен выстроились громоздкие, похожие на саркофаги камеры анабиоза. Дно каждой из них, монолитно соединенное с полом, имело углубления, соответствующие форме человеческого тела. Сверху камеры накрывали прозрачные колпаки с нанесенными на них надписями, типа: "Пилот Николай Зотов. Земля. «Антей-126407».

На случайного наблюдателя обстановка, царящая в зале, произвела бы крайне гнетущее впечатление. Укутанное вязкой тишиной, сумеречное помещение, с застывшим без движения воздухом и двумя рядами мрачных «саркофагов», напоминало давно заброшенный склеп.

Почти все камеры были пусты. Их темные крышки хранили лишь имена тех, кто когда-то входил в состав экипажа космического корабля. И только в одной из них, расположенной у дальней стены зала, лежало обнаженное человеческое тело.

Это была молодая женщина. Ее белое, словно мел, лицо, с заострившимися чертами, казалось нереальным в обрамлении темных, подернутых инеем волос.

Надпись на колпаке гласила:

"Камера 47. Второй навигатор Эллис Хойланд. Земля. «Антей-126407».

Отсутствие у нее каких-либо признаков жизни придавало окружающей обстановке еще более мрачный оттенок. Казалось, что этот зал сам давно и бесповоротно умер, и ничто уже не в силах нарушить его трагический, незыблемый покой.

Однако это было не так.

Наступил какой-то, не поддающийся вычислению момент времени, и в глухой сумрак космической усыпальницы вдруг ворвалось нечто иное, – живое и стремительное.

Это на пульте управления вспыхнуло сразу несколько разноцветных огней. Затем в его недрах раздался характерный щелчок, и они погасли, оставив гореть лишь изумрудный сигнал на левом крыле. Надпись под ним гласила:

«Камера 47. Пробуждающий газ.»

Под прозрачным колпаком той ячейки, где лежала Эллис, заклубился молочно-белый туман, нагнетаемый туда сквозь крохотные отверстия в днище саркофага.

На пульте управления осветилось два экрана. На одном из них расположился график, состоящий из координатных прямых с символами «время» и «температура». Зародившаяся между ними тонкая линия медленно поползла вверх, разделяя надвое образованный координатными осями угол.

Так продолжалось почти двое суток.

Наконец, когда температура достигла отметки 365, на втором экране вдруг взметнулся вычерченный чьей-то невидимой рукой зигзаг. Затем еще… И еще один… С каждой минутой их становилось все больше, пока весь экран не покрылся бегущей от среза к срезу часто и неравномерно изламывающейся кривой.

Это билось сердце Эллис.

* * *

В конце двадцать первого века, когда Земля еще только вступала в эпоху глобального перенаселения, колонизация ближайших звездных систем казалась людям если не панацеей, то по крайней мере реальным шансом выжить в масштабах космоса.

Совместный проект НАСА, ЦУПА и ..... носил короткое и емкое название – «Колония». До первых открытий Йогана-Щмидта, положивших начало «теории гиперсферы» и массовому исходу колониальных транспортов с перенаселенной Земли, оставалось еще двести лет. Те, кто готовил старты по программе «Колония», даже не помышляли ни о каких аномалиях космоса, – в 2097 году подобные идеи все еще относились к сюжетам фантастических романов. Самым совершенным двигателем того времени оставалась фотонная установка. Монтаж огромных космических кораблей, которые должны были достичь ближайших звездных систем, производился на лунных орбитах.

Первым из солнечной системы стартовал «Антей». Его экипаж должен был проспать в анабиозных ячейках долгие годы полета.

Корабль с шестьюдесятью членами экипажа на борту, так и не вернулся. Связь с «Антеем» трагически оборвалась на четвертом году полета, когда до цели оставалось совсем не много.

Проект «Колония» был заморожен.

* * *

Эллис, содрогаясь от холода и мучительных приступов тошноты, лежала на полу, в узком проходе между темными саркофагами.

Она никогда не думала, что от страха может тошнить. Сумрак зала давил на нее, превращая едва очнувшееся сознание в бредовую карусель обрывочных и бессвязных мыслей.

Она едва помнила, как открыла глаза, очнувшись от беспамятства низкотемпературного сна. Вокруг стояла гробовая тишина. Никто не протянул ей руки, не помог встать, не поприветствовал, словно вокруг не было ни единого живого существа… Она сама, кое-как приподнялась, опираясь на край открывшегося саркофага, попыталась вылезти, но слабые мышцы не смогли выдержать вес собственного тела, и Эллис упала в широкий проход между камер, практически не ощутив ни боли, ни чего-то еще, словно была куклой, манекеном…

Экстренное пробуждение… Сколько раз такая ситуация обыгрывалась на Земле, в период их длительной подготовки. В экипаж «Антея» отбирали по особым признакам. Каждый, кто ступил на борт корабля, имел за спиной сотни часов космических полетов, опыт боевых действий на земле и в космосе, плюс устойчивую психику и недюжинный багаж знаний.

Как просто все выходило на компьютерных тренажерах и в имитационных барокамерах… – эта мысль только подстегнула терзавшее ее беспокойство. Все складывалось совершенно не так, как должно быть…

Эллис попыталась встать. Наконец ей удалось подняться на четвереньки и проползти несколько шагов в сторону пульта, от которого исходил неровный, мерцающий свет.

Сейчас ей было не до стыда или каких-то условностей. Едва живая, она не мечтала ни о чем, кроме как увидеть кого-то из людей. Пусть они потом смеются над гложущим ее страхом, нелепой и непристойной позой, пусть… что угодно, но только не эти темные ряды саркофагов и гробовая тишина…

Она даже представить себе не могла, что должно случится на борту, чтобы в этом зале не оказалось ни одного обслуживающего механизма. Процессу пробуждения отводилась особая роль в программе полета, и к услугам выходящих из состояния низкотемпературного сна было предоставлено все, – начиная от стопроцентного компьютерного контроля до дружеского участия уже бодрствующих людей.

Она ползла по проходу к светлому размытому пятну, а сознание

кричало, настаивая на том, что тут должны толпиться люди и роботы.

Ответом на этот мысленный крик была лишь зловещая, вязкая тишина.

Рядом с выходом из зала, в освещенном кругу возвышались встроенные в стену шкафы. Свет от двух экранов пульта управления змеился по их темной поверхности косыми бликами.

Она приподнялась, дотянувшись до ручки ближайшего шкафа и повисла на ней. Дверца подалась с удивительной легкостью. Эллис едва удержалась на четвереньках, – от ничтожных усилий дрожали мышцы, колени тряслись, руки подламывались, отказываясь держать вес тела.

Она даже не посмотрела, чьи это вещи. Закрыв глаза Эллис привалилась к стене, вцепившись в мохнатое полотенце из синтетической ткани.

После минутного отдыха она принялась медленно стирать с себя тошнотворные остатки желеобразной массы, осевшей на теле после процесса размораживания.

Рука Эллис двигалась словно у заводной механической куклы. Она не замечала, что трет полотенцем по одним и тем же местам, в то время как ее немигающий взгляд был направлен на темные колпаки низкотемпературных саркофагов.

Только сейчас до нее стал доходить истинный смысл этого простого наблюдения. Зал анабиоза был пуст, и больше того – он казался погибшим, неисправным, лишенным энергии…

Эллис слышала, как гулко и неравномерно колотится ее сердце. Сопоставляя свои ощущения с окружающей обстановкой, она все больше убеждалась в том, что на борту «Антея» произошла беда.

Стараясь не думать о худшем, она вновь попыталась встать. Ухватившись за распахнутую дверку шкафа она сорвала с вешалки комбинезон и вновь обессилено опустилась на пол.

Одежда пахла чем-то затхлым. Эллис отвернулась и поняла, что тот же запах витает по всему помещению. Звонкая тишина вдруг подсказала, что не работает ни один регенератор воздуха, чей легкий шелест наполнял каждый отсек громадного корабля.

Она повернула голову. Квадратная панель интеркома выступала из стены метрах в пяти от нее. Контрольный индикатор питания на ней не горел.

По спине пробежал неприятный холод. Это чувство так резко отличалось от терзавшего ее озноба, что полумертвая женщина напряглась, теряя и без того скудные силы.

Что-то внутри говорило ей – вот та минута, о которой тебя предупреждали, к которой готовили… и в вероятность которой не верил никто, в том числе и она. Это могло случится с кем угодно, но только не с ней…

Мысли нахлынули и ушли, оставив после себя пустоту и дрожь.

Она подтянула к себе плотный сверток форменной одежды, и, выворачивая дрожащие от слабости пальцы, развернула его. Пока руки боролись с затхлой тканью, мысли Эллис вернулись к угрюмой обстановке зала.

«Возможно на корабле авария… – подумала она, стараясь держать свои эмоции под контролем. – Всех уже разбудили. Ребята на своих постах… Просто так получилось, что я последняя… Меня ждут… Я нужна в рубке управления…» – эти, произнесенные про себя слова, помогли ей.

Застегивая комбинезон из мягкой и теплой светло-серой ткани, с эмблемами «Антея» на рукаве и груди, ее пальцы наткнулись на твердые капсулы, плотно уложенные в нагрудном кармане. Ощупав их, Эллис запоздало вспомнила о стимуляторах.

В период предполетной подготовки она дважды проходила испытательный процесс низкотемпературного сна. И никогда после пробуждения она не испытывала таких явных, мучительных постэффектов. Это настораживало, вселяло дополнительную тревогу. Слабость и бесконтрольная дрожь буквально терзали ее, сжигая остатки сил, и потому она не задумываясь взломала чисто символический предохранительный шов, вытащив из кармана пару янтарных капсул неоксандрина.

Проглотив стимулятор она попыталась встать, но, не найдя достаточно сил вновь откинулась на бликующую от света экранов стену.

Эй оставалось ждать. Закрыть глаза и ждать, благо неоксандрин обладал почти мгновенным действием. О последствиях его приема Эллис в этот момент предпочитала не думать…

* * *

Спиральный коридор, который, как пологий винтовой пандус проходил сквозь все десять ярусов космического корабля, был пуст, из конца в конец того отрезка, что просматривался от входа в анабиозный зал.

За спиной Эллис тихо клацнула затворившаяся дверь. Этот звук заставил ее вздрогнуть.

Она повернулась, взглянув на неподвижные ленты транспортеров, застывшие вдоль меньшего радиуса спирального тоннеля и толстый слой пыли на них.

В сердце Эллис шевельнулся ужас. Несмотря на всю жесткость подготовки, как физической, так и моральной, она прежде всего оставалась женщиной. Глобальное чувство одиночества резануло по натянутым как струна нервам. В первый момент у нее не хватило сил, чтобы отвести взгляд от ровного, бархатистого слоя пыли.

Судорожно всхлипнув, она сделала шаг ко входу в лифт, придерживаясь рукой за гладкий пластик облицовки стен. Свет в коридоре был тусклым, словно все генераторы застыли, и энергосистема корабля работала на резерве.

Десять шагов по коридору, который постепенно изгибался и имел ощутимый уклон вверх, дались ей с неимоверным трудом. Действие принятого стимулятора поразило Эллис. Она не почувствовала резкого прилива сил, – лошадиная доза неоксандрина позволила ей встать на ноги и вернула некоторую ясность мыслей, но не больше того, хотя, по всем правилам, ее мускулы сейчас должны были разрываться от переполняющей их энергии. Никакого разумного объяснения, такому явному противоречию с собственным опытом, она не находила…

Лифт естественно не работал.

Несколько минут Эллис стояла, привалившись плечом к стене, а потом двинулась дальше, вверх по спиральному коридору.

Слабость наваливалась периодическими волнами, а вместе с ней подкатывала тошнота, и по телу пробегала мерзкая дрожь.

Стена спирального коридора плавно изгибалась вверх и вправо. Она машинально передвигала ноги, бросая по сторонам быстрые изучающие взгляды. Желтоватый свет не позволял ей рассмотреть все открывающиеся впереди детали. Проходя мимо дверей, расположенных с равными интервалами по внешнему радиусу спирали, она пробовала их открыть, но тщетно, – все они оказались заперты. Очевидно было отключено питание электромагнитных замков…

Гадать, что за трагедия постигла корабль, оказалось настолько мучительно, что, перебрав несколько вариантов, она почувствовала, как начинает терять контроль над собой.

Впереди, из желтоватого сумрака показалось серое пятно. Какая-то бесформенная масса лежала подле внутренней стены коридора. Эллис уцепилась взглядом за эту, как ей показалось спасительную деталь, которая сделала коридор не таким пустынным и жутким, но, по мере приближения к бесформенной куче, измученная Эллис, различив некоторые черты, резко остановилась, не в силах противиться той страшной догадке, что кинжальным холодом пронзила ее грудь…

– Нет… – хрипло прошептала она, непроизвольно попятившись назад… – Нет… Ради всего святого – нет!!!

У стены спирального коридора в нелепой, изломанной позе лежало мумифицированное тело.

Ноги Эллис подкосились. Разум отказывался служить ей. Закусив собственные пальцы чтобы не закричать, она тихо опустилась на пол.

* * *

Она точно помнила, что лишилась чувств, в тот момент, когда тело, потревоженное колебаниями воздуха от ее голоса и непроизвольных, резких движений, вдруг дрогнуло, теряя свои черты, и прямо на ее глазах рассыпалось в прах, взметнув облачко серой пыли…

Это был тот предел, что была способна выдержать едва очнувшаяся от криогенного сна женщина.

И вот она, вторично придя в себя, стояла над неровным слоем рассыпанного по полу праха, средь которого выделялись нетленные, пластиковые детали фурнитуры той одежды, в которую был облачен труп.

«Сколько же лет он должен был пролежать тут, чтобы рассыпаться от простого колебания воздуха?» – с ужасом подумала она, заставив себя склониться над прахом и вытащить из него пластиковую нашивку.

«Алексей Романов. Космодесант» – прочла она отлично сохранившуюся надпись.

Эллис невольно вздрогнула, всем телом. Алексей стоял перед глазами, как живой, – в ее сознании они расстались только вчера и было жутко стоять над его прахом, постепенно осознавая ту пропасть, что пролегла между ними…

Нестерпимое горе, усиленное острым страхом и ощущением неопределенности, холодным язычком лизнуло грудь, заставив гулко и неравномерно биться сердце.

Сжимая во вспотевшей ладони пластиковую нашивку она обошла прах, стараясь не потревожить осевшую на полу пыль и пошла прочь, не оглядываясь, потому что знала, – силы могут вновь изменить ей, при виде серой бесформенной кучки пыли, что осталась от человека.

Миновав еще несколько плавных поворотов центрального коридора она наконец увидела двери ходовой рубки.

В сумраке коридора сиротливый сигнал питания, что горел на стенной панели подле дверей, показался ей чуть ли не чудом. Ведь за то время, что Эллис карабкалась на ватных ногах, преодолевая несколько сот метров спирального подъема, ее взгляд уже немного привык к картинам

полного отсутствия жизни на корабле, а разум постепенно начал осваиваться с мыслью о том, что вся автоматика умерла вслед за людьми, окончательно и безвозвратно…

Нужно ли описывать то облегчение, что испытала Эллис, увидев неяркий, мерцающий огонек подле раздвижных дверей. Хоть какая-то бортовая система «Антея» работала!…

Действительно, плотно сомкнутые створки дверей, что вели в святая святых космического корабля, послушно отреагировали на касание пропуском сенсорной пластины. Вздрогнув, створки рывками поползли в стороны, открывая ей проход.

В первый момент она с трудом узнала помещение ходовой рубки «Антея», – Эллис помнила его живым, наполненным светом и звуком, ведь сердце огромного корабля не останавливалось ни на секунду, – оно всегда пульсировало жизнью, а теперь…

Взгляд навигатора скользил по обстановке темного помещения, с содроганием узнавая знакомые детали систем управления, вид которых вселял в нее невольное отчаяние…

Громадный, раскинувшийся во всю переднюю стену экран телескопического обзора погашен, – его мрачные глубины таили в себе лишь смутно очерченные тени, созданные из слабых отражений расположенной вокруг аппаратуры. Под сводом сферического потолка едва тлели две лампы аварийного освещения. Все кресла за пультами управления, – а их было семь, по количеству основных постов, – пусты. Никаких признаков жизни бортовых систем, за исключением нескольких индикационных сигналов на левом крыле центрального пульта управления…

И никаких признаков экипажа, – ни живых, ни мертвых, никого, лишь гнетущая тишина омертвевшей рубки…

Эллис сделала шаг и машинально пустилась в свое кресло, перед которым, на скошенных приборных панелях навигационной консоли как раз и тлели сиротливые индикационные сигналы.

Она с силой сжала виски, пытаясь унять струящуюся по телу нервную дрожь и вернуть себе ощущение реальности, растерянно глядя на тусклые огоньки, что горели ровным, немигающим светом под матовыми глубинами защитного пластика, что покрывал все приборы, изолируя их нежное электронное нутро от таких неприятностей, как пыль или случайно пролитая на клавиатуру жидкость.

Вот они перед ней, – сверхнадежные машины родной земли, технологии, которым нет равных…

Взгляд Эллис оторвался от огоньков и вновь пошел блуждать по мертвым интерьерам ходовой рубки. Она не знала истинных причин случившегося, но подсознательно уже прочувствовала всю бездну постигшей корабль катастрофы, и это внезапное ощущение собственной ничтожности перед лицом обрушившейся беды, невозможности повернуть вспять роковые события, – все эти чувства едва не погубили ее.

Эллис сидела, крепко сжав в ладонях свою голову и смотрела по сторонам, подавленная, испуганная, опустошенная, пока ее взгляд, совершив замысловатый вояж по мертвым постам управления не вернулся к тусклым огонькам на расположенной перед ней навигационной панели корабля.

В какой-то момент ее сознание смогло пересилить эмоциональный шок, и до нее начал доходить скупой смысл тлеющих индикаторов.

Эти семь огоньков поведали ей о многом.

Во-первых, функционировала дублирующая система жизнеобеспечения. Более того, – приказом бортового кибернетического мозга ее функции были урезаны до очень жесткого энергосберегающего режима. Вот почему не работали регенераторы воздуха и он имел столь специфичный затхлый запах.

Во-вторых, что было очень важно, в радиусе действия радаров присутствовала какая-то планетарная масса. Очевидно, что автоматика «Антея» оказалась не в состоянии самостоятельно справиться с каким-то маневрированием…

«Но если есть энергия для поддержания жизни, значит должны работать и другие системы…» – с надеждой подумала она. Тонкие пальцы Эллис привычно легли на сенсорную клавиатуру «ее родного» навигационного терминала, откуда, как и с любого другого пульта ходовой рубки, можно было осуществить полноценную связь с главной управляющей системой «Антея».

Реагируя на прикосновение ее рук, перед бледной, все еще испуганной женщиной тускло осветился экран монитора.

«Энергосберегающий режим отключен» – Эта лаконичная надпись заставила ее собраться в единый комок нервов. – «Ждите. Идет подключение терминала и серверов бортовой сети»

Секунда за секундой уходили в гулкую вечность вместе с заполошными ударами сердца, которые горячим набатом отдавались в висках.

Строки сообщений на мониторе сменяли одна другую, и постепенно в сознании Эллис начали вырисовываться общие черты реального

состояния бортовых систем космического корабля.

В первую очередь ее неприятно поразило полное отсутствие данных о экипаже. Словно эти сведения уже не являлись первостепенными, и если и существовали, то давно уже были отправлены на хранение в долгосрочную память машины. Затем последовал доклад энергетических программ, и Эллис поняла, что энергии, наличию которой она только что отдала все свои надежды, так смехотворно-мало, что ни о каком полноценном функционировании корабля на столь скудном ресурсе не могло быть и речи… Именно поэтому вполне исправная и готовая к работе рубка управления казалась столь безжизненной…

Но больше всего ее поразил скупой отчет бортового кибернетического мозга о всех произведенных за последние ГОДЫ ПОЛЕТА! – эти слова отозвались в ее сознании чуть ли не паникой, – операциях.

Правда о первопричинах такого состояния «Антея», по критериям машины, то же устарела настолько, что давно была отправлена на «склад информации», и этот вопиющий факт заставил ее еще глубже ощутить свою потерянность…

Но сейчас она с трудом переваривала другое.

Действия управляющей корабль машины следовало оценить, – с точки зрения Эллис они были удивительны.

Даты реального бортового времени отсутствовали в сообщениях, словно вышел из строя ядерный хронометр, что само по себе казалось маловероятным, но двигаясь взглядом по строкам сообщений Эллис поняла, – Центральный процессор корабля только что вернулся к жизни по ее приказу.

Агония машины предстала перед ней во всей драматичности. Год за годом компьютер, лишившийся команд со стороны экипажа и потерявший ориентацию в пространстве (почему это случилось, еще предстояло выяснить) вел «Антей» через бездну космического пространства, свято оберегая жизнь единственного человека на борту. Этим человеком была она, навигатор Эллис Хойланд, и компьютер «Антея» одну за другой отключал бортовые системы, чтобы сэкономить скудный запас энергии. Он отдавал все, до последнего эрга в накопителях, автоматике поддержания жизни камеры сорок семь, пока не настал роковой момент.

Он, как настоящий, рачительный хозяин корабля обесточил все что мог, продлевая свою агонию, но пришел тот миг, когда для поддержания режима низкотемпературного сна Эллис потребовалось больше того, чем располагал процессор. Тогда он подал сигнал к пробуждению и

отключился, отдавая системам реанимации запас собственных аккумуляторов.

Этот стоический акт самоубийства преданной машины, тронул Эллис, хотя она понимала, что компьютер лишь следовал заложенным в него программам. Но так хотелось верить, что средь сумрака и гнетущей тишины рядом есть еще один разум, и потому она невольно придала в своих мыслях яркую драматическую окраску скупым строкам сообщений…

…Оценив скудный энергетический ресурс, она пришла к выводу, что его хватит на краткосрочную реанимацию всех главных бортовых систем, включая локацию пространства и сам процессор.

Ни секунды не задумываясь она отдала со своего терминала соответствующий приказ.

«Будь, что будет – мысленно решила Эллис, – но я должна увидеть куда занесло „Антей“ и узнать, что же стряслось на борту…»

В данной ситуации краткий миг озарения казался ей предпочтительней долгого прозябания среди мертвых стен слепого и глухого космического корабля.

Отвечая на ее команду на соседних терминалах перед пустыми креслами один за другим начали загораться контрольные огни.

Рубка управления оживала, стряхивая с себя многолетнее оцепенение. Тускло засияли экраны мониторов, недра приборных панелей наполнил тихий гул охлаждающих вентиляторов сопроцессоров, тонкий писк зуммеров отогнал тишину, и наконец хаотичные световые всплески начали приобретать обычную упорядоченность приобретая четкость привычных геометрических узоров на пультах, – вот только обзорные экраны по-прежнему оставались темны, – очевидно для их подключения требовался соответствующий приказ кибернетического мозга.

«Ну, что ж, ЭКАЛ, давай поговорим…»

Внешне в ходовой рубке не произошло никаких изменений, лишь на расположенном перед Эллис мониторе открылось дополнительное окно диалогового режима. ЭКАЛ был умной машиной, и имел вполне «человеческие» интерфейсы, для обмена информацией с экипажем, но Эллис намеренно ограничилась диалоговым окном, чувствуя, что еще не готова услышать собственный голос в непривычной пустоте оживающей ходовой рубки.

«На связи ЭКАЛ-1. – высветил монитор. – Приветствую первого навигатора Эллис Хойланд. Жду директив»

«Состояние экипажа?» – внутренне подобравшись, спросила Эллис.

Ответ ЭКАЛа больно отозвался в ее душе, на мгновение вернув

навигатора в состояние безысходной подавленности…

Приговор компьютера был однозначен. Экипаж мертв… За исключением ее самой.

Спустя минуту Эллис все же смогла положить дрожащие пальцы на клавиатуру ввода, формулируя следующий вопрос.

Побледнев, она впилась взглядом в монитор, продолжая ввод, на что машина отвечала ей, выдавая технические схемы, уравнения, графики… У Эллис, которая все еще находилась под стимулирующим действием неоксандрина, постепенно начала кружиться голова от обилия подробной технической информации, часть которой она просто не понимала в силу своей специализации, как навигатора, но суть трагических событий, произошедших на борту «Антея» была ей понятна. Даже слишком понятна и очевидна…

Перед ней, сформулированная сухим языком машины, средь схем и технических описаний, развернулась страшная трагедия гибели людей…

…Это было роковой ошибкой конструкции – расположить емкость с активным веществом для фотонного ускорителя в кормовой части космического корабля. Теперь Эллис, наблюдая на мониторе многочисленные схемы повреждений, понимала, что их нужно было выносить в космос, подальше от корабля… но что толку в таких запоздалых прозрениях? Взрыв емкости с веществом для реактора конечно же не мог уничтожить корабль, но он привел к последствиям более страшным и загадочным, чем те, которые могли предусмотреть инженеры и ученые на Земле.

По схемам, что выдавал ей ЭКАЛ, было видно как развивалась серия из пяти ядерных взрывов. Первый, когда взорвалась средняя из пяти емкостей с активным веществом, не смог разрушить мощных боковых стен кормы, и специальной защитной плиты, отделявшей реакторные отсеки от остальной части «Антея», – он лишь смел все переборки, и вышиб заднюю стенку хвостовой части корабля, к которой на мощных штангах крепилась чаша фотонного отражателя, так, что в обезображенной корме «Антея» образовалась уродливая семидесятиметровая пробоина, сквозь которую в космос, как из сопла вымело все, – и оставшиеся емкости с веществом, и сам реактор, и систему узкоапетурных фотонных пушек, которые собственно и являлись двигателем «Антея»…

Эллис даже не могла себе вообразить, сколь страшен оказался этот внезапный взрыв, который в доли секунды разнес треть корабля, вышвырнув за борт сотни тонн активного вещества, но еще страшнее оказалась серия из четырех ядерных вспышек, которая последовала уже в

космосе, непосредственно за кормой «Антея».

Затем, наступил полнейший хаос.

У Эллис похолодело в груди, когда она считывала записи, снятые ЭКАЛом с датчиков приборных панелей в те роковые секунды…

Это было нечто невероятное… невозможное!…

Корабль, который к тому моменту шел с крейсерской скоростью, что составляла девяносто семь процентов от скорости света, внезапно оказался в области мощного энергетического выброса… и все датчики скорости внезапно легли на отметку «ноль»! Скорость просто как будто перестала существовать!

ЭКАЛ не был готов к такому потрясению. Он в тот момент боролся с разгерметизацией большинства отсеков, аварийным отключением энергии, и прочими, катастрофическими для экипажа разрушениями, но его память исправно зафиксировала все показания, вплоть до самого абсурдного, – бортовой ядерный хронометр, принцип работы которого был основан на длительных периодах полураспада радиоактивных элементов, внезапно ускорился, до невероятной величины идущих в нем процессов и взорвался!…

За мгновенье до этого отказали все внешние сенсорные системы, которые вдруг начали транслировать полную ахинею – звезды в момент взрыва удлинились, превратившись в блеклые серебристые росчерки и… исчезли.

Агонизирующий корабль с мертвым экипажем провалился в некую область пространственно-временной аномалии… по крайней мере именно таким термином определил новое пространство бесстрастный ЭКАЛ…

Эллис остановила информационный поток, коснувшись сенсора «пауза».

Ей было так плохо, что хотелось просто разреветься навзрыд, дать выход тому горькому кому, что скопился внутри, подкатывая к горлу удушливыми спазмами…

Она не понимала о каком новом пространстве идет речь…

Если бы она знала, что спустя двести лет после рокового взрыва, ученые Земли откроют подобное явление, а Йоган Иванов-Шмидт назовет таинственную область аномалии термином «гиперсфера» и выведет первые уравнения, описывающие процесс проникновения в нее, – стало бы ей легче от осознания, что «Антей» по сути совершил первый гиперсферный прыжок, за два века до открытия данного понятия, и оказался пионером гиперпространства?

Скорее всего, что – нет…

Одна… Это емкое, страшное понятие вдруг затмило все, обрушившись, как непомерный моральный груз…

Одна… Совершенно одна, неизвестно где, заключенная в оболочку разрушенного космического корабля-невозвращенца, чьи бортовые системы жадно высасывали в эти секунды последние капли драгоценной энергии из истощившихся резервных накопителей.

Никакие фантастические явления, и даже жуткий трагизм сорока семи загубленных в катастрофе жизней, не могли сравниться с тем глобальным потрясением, что испытывала Эллис в эти роковые для нее секунды. Понимание полной безысходности своего положения обрушилось на нее, сломав волю, превратив сознание в страшную кашу ирреальных образов.

Она не выдержала и разрыдалась, закрыв руками лицо.

…А драгоценные секунды шли, вне зависимости от ее воли, складываясь в безвозвратно потерянный для управления ожившими системами отрезок горького, удушливого безвременья…

Наконец, справившись со спазмом, она оторвала мокрые от слез ладони от своего опухшего лица.

Перед ней тускло и призывно сиял экран монитора, словно окно в ту бездну, куда она страшилась заглянуть…

Из сообщений ЭКАЛа следовало, что «Антей», после взрыва емкостей с активным веществом, совершил спонтанный скачок в иное пространственно-временное измерение.

Сколько длилось пребывание корабля в аномальном пространстве затруднялся определить даже бортовой компьютер. Единственное, что он мог сообщить подавленной женщине с точностью, был тот факт, что корабль вернулся в трехмерный космос шесть лет назад. Уцелевшие при взрыве локационные системы определили некоторые звездные ориентиры, – в основном удаленные пятна других галактик, чье положение оставалось относительно стабильным на протяжении миллионов лет, и по этим светящимся пятнам далеких звездных сообществ ЭКАЛ сориентировал «Антей» в сторону Солнечной Системы.

Эллис прикрыла глаза.

«Что же делать?» – закусив губу думала она, борясь с приступами дурноты. Это кончалось спасительное действие принятого стимулятора. Впереди ее ожидал упадок физических сил.

Страшась оставаться наедине с собой она открыла глаза.

«ЭКАЛ включи телескопический обзор» – набрала она.

«Недостаточно энергии для питания обзорных экранов» – высветил

ей в ответ бортовой компьютер.

Эллис огляделась. Свет, разгоревшийся было под сводом рубки вновь начал неумолимо тускнеть. Многие сигналы на реанимированных пультах управления судорожно моргали. Напряжение в сетях питания падало с катастрофической скоростью, и она поняла, что у нее остались считанные часы на совершение каких-то действий. Потом уже будет поздно, – холод и мрак окончательно завладеют искалеченным кораблем, и он умрет, высосав из накопителей последние эрги, с такой самоотверженностью сэкономленные ЭКАЛом для ее пробуждения.

Закрыть глаза… Расслабиться, отдаться в мягкие объятия противоперегрузочного кресла, доверить ему слабеющие с каждой минутой мышцы, не думать ни о чем… Отгородиться шторками век от ужаса умирающего корабля. Тихо угаснуть вместе с ним…

Она вздрогнула всем телом, словно вырываясь из цепких объятий наваждения.

Плотно сжав губы, чтобы не дать волю бунтующему после криогенного сна желудку, она встала, цепляясь побелевшими пальцами за подлокотники кресла.

В этой упрямой, отчаянной попытке вырваться из цепких лап подступившей депрессии было больше смысла, чем могло показаться на первый взгляд. Эллис боролась сама с собой, потому что ее готовили именно к этому…

Медленно выпрямившись, она еще плотнее сжала побелевшие губы. Да, все это было свежо в ее памяти. Все, что она собиралась сделать было ей по силам. Нужно только загнать вглубь этот дрожащий, гадливый внутренний голос, сладко поющий о безысходности. Вспомнить, чему ее учили и сделать первый шаг, от манящего кресла к длинной шеренге встроенных в переборку рубки шкафов.

Она оторвала сначала одну руку, затем другую. Потом пошла, стараясь не потерять равновесие.

Долгие годы предполетных тренировок вырабатывали в них новые качества. Жесточайший психологический и физический отбор… Опытные инструкторы тренировали их мышцы и волю, психологи внушали мысль о том, что они уже не просто люди, а зачаток новой, галактической расы, пока каждый из них по настоящему не поверил в это и не начал всерьез грезить звездами.

Тогда, еще в самом начале полета, казалось что экипаж «Антея», – это действительно единый организм, слившийся со своим кораблем в одном стремлении, – достичь…

Эллис доковыляла до заветных шкафов и уперлась ладонями в гладкую, холодную поверхность пластиковых створок.

Еще несколько часов назад, очнувшись от низкотемпературного сна, она по инерции ощущала себя частицей этого мощного, тренированного организма, пока сама воочию не убедилась, что все это уже давно обратилось в прах, как мумифицированное тело Алексея Романова, в спиральном коридоре, как застывшие навек механизмы, а она… Она на поверку оказалась лишь слабой женщиной, вмиг утратившей все иллюзорные защитные оболочки…

Упрямое подсознание продолжало нашептывать ей с монотонной настойчивостью: «Одна… В изуродованном звездолете, без надежды, без смысла, среди руин и обратившихся в прах трупов…»

Здесь внутренний голос был абсолютно прав, – самое страшное, что могло случиться с человеком в космосе, выпало именно ей…

Эллис стояла, судорожно вцепившись в открытую створку вмонтированного в переборку шкафа, где хранились аварийные комплекты гермоэкипировки, и испытывала ирреальное, ни с чем не сравнимое чувство внутреннего раздвоения, – как любой нормальный человек она хотела жить, но не находила для этого ни сил, ни возможностей…

И вдруг она отчетливо представила ту картину, что все время присутствовала в ее сознании, не давая окончательно забыться.

Когда-нибудь «Антей» будет найден, в этом Эллис не сомневалась ни на секунду. Сюда вновь войдут люди и увидят ее сморщенный, ссохшийся труп скорчившийся на полу ходовой рубки…

Видение заставило ее вздрогнуть и крепче вцепится побелевшими от напряжения пальцами в открытую створку.

Нет… Я хочу жить! Хочу…

Эллис отчаянно ухватилась за эту мысль. Ее существо протестовало, – она вдруг поняла, что не может вот так, запросто отказаться от воздуха, света, тепла, способности мыслить и просто ощущать саму себя наконец… Смерть вдруг показалась ей еще более страшной, – она не могла представить, что ей придется пережить собственную агонию…

– Я не хочу умирать… – тихо, одними губами прошептала она, пугаясь шелестящего звука собственного шепота. Человеческая речь прозвучала как нечто чуждое, неправдоподобное…

Не в силах дольше выносить мысленный диалог с собственным подсознанием, Эллис, превозмогая слабость, достала из шкафа белоснежный скафандр и принялась натягивать на себя герметичную

оболочку.

Действие неоксандрина уже практически закончилось, и ее движения стали вялыми. Телу, что пролежало бог знает сколько лет в камере низкотемпературного сна, не хватало мышечной энергии. Вскоре каждую мышцу Эллис буквально ломило от усталости, но она упорно, стиснув зубы, продолжала натягивать экипировку для выхода в космос.

Иного шанса выжить она не видела.

* * *

…Спиральный коридор плавно изгибался, уходя вниз. Эллис в белоснежном скафандре, задыхаясь от перенапряжения, медленно шла под уклон, следуя изгибу стены.

– ЭКАЛ, ты меня слышишь? – хрипло спросила она, чтобы не сосредотачиваться на физических усилиях. Прежде чем покинуть ходовую рубку, она ввела бортовой компьютер «Антея» в режим речевых команд.

– Да, Эллис. – Ответил мягкий, одушевленный скорее ее сознанием, чем программами голос. – Я держу канал связи открытым. Жду твоих команд.

Она прошла мимо кучки праха, что осталась от Алексея Романова, миновала уровень анабиозного зала и углубилась в кормовую часть «Антея».

– Где остальные тела погибших? – Прерывающимся от частого и неравномерного дыхания голосом спросила Эллис.

– В холодильной камере медицинского модуля. – Ответил ЭКАЛ. – Бортовые механизмы, уцелевшие после катастрофы перенесли их туда.

– А сколько человек находилось в анабиозе? – Эллис остановилась, придерживаясь рукой за стену.

– Сорок. – Лаконично поведал ЭКАЛ, и тут же пояснил:

– В большинстве камер в результате аварии оказалось нарушено энергоснабжение. Я не смог восстановить контроль до того, как истощились автономные источники питания камер. Процесс анабиоза вышел из под контроля автоматики. Люди погибли.

После этого скупого и точно сформулированного ответа ей стоило неимоверного труда сделать первый шаг и возобновить свой спуск вдоль закругляющейся стены спирального коридора.

«Случайность… – Горько думала Эллис. – Ведь могли уцелеть все… или любой из сорока спящих. А выжила я…»

– ЭКАЛ, почему ты не разбудил меня сразу после аварии? – спросила она, чтобы не думать о погибших.

– Я ждал благоприятных условий для пробуждения. – ответил голос кибермозга.

– Объясни. – потребовала Эллис. – Что ты понимаешь под термином «благоприятные условия»? – Ей приходилось напрягаться, чтобы верно формулировать вопрос, используя понятные ЭКАЛу слова и словоформы, иначе бортовой компьютер не смог бы ответить. Вот и сейчас возникла небольшая, по меркам человека, но длительная с точки зрения машины пауза, пока ЭКАЛ анализировал ее вопрос.

– Я не мог обеспечить управления кораблем, в той области аномального пространства, куда попал «Антей» после взрыва. – Наконец ответил компьютер. – Все системы контроля вышли из строя. Они не могут адекватно функционировать в аномалии. – ЭКАЛ использовал введенные в его память человеческие термины, отчего его речь казалась Эллис одушевленной. Хотя разумом она понимала, что это не так.

– А сейчас? – спросила она. – Условия изменились?

– Да. Твое пробуждение обоснованно критическим падением уровня энергии. Но цель полета близка. По косвенным данным я могу судить, что «Антей» вошел в зону притяжения планетарных масс.

– Цель полета? Проксима?! – Эллис остолбенела от такого откровения, но секунду спустя ЭКАЛ поверг ее в еще больший шок:

– Солнечная система. – Ответил компьютер. – Пока работал блок локации, я сориентировал «Антей» для возвращения на Землю.

Эллис показалось, что она ослышалась.

«Земля?! – это родное, теплое, желанное слово пролилось словно бальзам в ее воспаленном сознании. – Но если это Солнечная система, то почему меня еще не вытащили отсюда?! – тут же с растерянностью подумала она.»

– Ты уверен в своих расчетах, ЭКАЛ?

– Вероятность того, что «Антей» в границах Солнечной системы – семьдесят три процента. Точнее я утверждать не могу, так как системы локации вышли из строя три года назад.

Эллис не знала что и думать. Радоваться ей, надеяться или же нет?

«Ответ там… – вдруг подумала она, ускоряя шаг. – Сейчас я все увижу своими глазами…»

* * *

Нижние витки спирального коридора, сразу за толстой защитной плитой, что отделяла реакторные отсеки от остальной части корабля, отсекала аварийная переборка со шлюзом.

По ее приказу ЭКАЛ открыл люк, и Эллис оказалась в тесном переходном тамбуре.

Дождавшись пока насосы откачают воздух, и в камере вспыхнет красный предупреждающий свет, она взялась за рукоять наружного люка и отвела ее в положение «открыто».

Эту часть корабля Эллис помнила смутно, – реакторные отсеки не относились к ее компетенции, но по вызубренной когда-то, еще в период предполетной подготовки, схеме, она представляла, что коридор должен продолжаться, еще на несколько сот метров…

Ступив за порог открывшегося люка, она остановилась.

Впереди ее ждал десяток метров покореженного и деформированного тоннеля, который обрывался испещренной точками звезд бездной.

Кормовой части корабля попросту не существовало.

Несколько минут она стояла подле люка, унимая гуляющую вдоль позвоночника дрожь. Вид звездной бездны и странные, красноватые блики, что змеились по полу и стенам изуродованного коридора, подействовали на Эллис самым негативным образом, – к естественной слабости и не прекращающейся дурноте вдруг добавился острый приступ агрофобии.

Ей потребовалось время, чтобы совладать с разыгравшимися эмоциями. Наконец, немного отдышавшись, она отстегнула от пояса скафандра конец длинного и прочного фала. Закрепив его за оплавленную скобу подле люка, Эллис с замиранием сердца сделала первый шаг навстречу расстрелянной искрами далеких звезд бездне.

Открывшаяся ей панорама разрушений, заставила ее содрогнуться, но еще более странной, страшной и впечатляющей оказалась картина окрестного космоса.

«Антей» действительно находился в границах звездной системы, но Эллис с первого взгляда определила, что распухшая, кроваво-красная звезда, никак не может быть родным и уютным Солнцем.

Застыв на краю провала, она смотрела вокруг, не в силах вымолвить ни звука.

– ЭКАЛ… Ты видишь это?! – потрясенно выдавила она, спустя некоторое время.

– Идет сканирование и накопление визуальной информации. – Ровным голосом ответил бортовой компьютер. – Эллис, мне необходимо, чтобы ты расширила сектор обзора. Для достоверной идентификации требуется максимум независимых звездных ориентиров.

Делая осторожный шаг вперед, к уродливому срезу, за которым

начиналась Бездна, Эллис вдруг подумала, – а что сейчас ощущает ЭКАЛ? Ведь она не бортовой сенсор, а Человек, Хозяин, Бог, и как это он сообразил отдать ей требуемый приказ? Расширь сектор обзора… Эта выходка компьютера позволила Эллис чуть-чуть расслабиться, скинуть часть нервного напряжения, почувствовать, что магнитные подошвы скафандра мягко и прочно влипают в пол…

Она остановилась на самом краю провала и повела головой из стороны в сторону, чтобы видеокамеры охватили всю доступную из этой точки панораму звездного неба.

Затем, удовлетворив потребность ЭКАЛа в навигационных данных, она обратила свой взгляд к звезде.

За изувеченной кормой «Антея» висел самый натуральный красный гигант. Сердце Эллис екнуло, когда она сквозь дымку сработавших светофильтров смотрела на распухшую звезду, а в голове сами собой вдруг всплыли фрагменты давным-давно прочитанной статьи из хрестоматийного учебника.

Она глубоко изучала теорию эволюции звезд и знала, что родное Солнце в будущем, отстоящим на несколько миллиардов лет, ждет именно такая судьба. По прогнозам, обоснованным еще в начале двадцать первого века, через миллиард лет светимость солнечного диска должна возрасти до ста десяти процентов от уровня современности. Это в свою очередь должно было привести к катастрофическим изменениям климата на Земле, стремительному развитию парникового эффекта, который закономерно кончался тем, что все океаны земли должны были выкипеть, а сама планета превратиться в горячую, безжизненную пустыню.

Но что такое миллиард лет, по сравнению со всей историей человечества? Эти две цифры казались столь несопоставимы, что никто не воспринимал всерьез постоянно возрастающую светимость солнечного диска. Слишком внушительны астрономические сроки, чтобы кто-то всерьез задумался над актуальностью таких процессов.

Эллис полностью разделяла данную точку зрения, но сейчас, стоя на краю провала, средь хаотичного нагромождения изуродованных конструкций космического корабля, она невольно вспоминала все, что ей было известно о дальнейшей эволюции Солнца…

Жизнь любой звезды, – это постоянная схватка двух стихий. С одной стороны на звезду действуют гравитационные силы, которые направлены к центру, и стремятся «ужать» ее до наиболее компактных размеров, но этому всегда препятствует происходящий внутри светила процесс ядерного синтеза, – чудовищное количество энергии, высвобождаемое при слиянии

легких ядер устремляется «наружу», толкая вещество, «распирая» звезду, и противодействуя таким образом силам гравитации.

Именно равновесие двух этих сил позволяет любой звезде на протяжении миллиардов лет находиться в состоянии относительного покоя…

Но что произойдет, когда в ядре звезды истощаться запасы водорода? Ответ на это знал любой, кто хоть сколь-нибудь интересовался теорией эволюции звезд. Тогда реакция водородного синтеза сместиться от ядра наружу, в газовую оболочку звезды. Это в свою очередь вызовет ее чудовищное «распухание», и, – как ни парадоксально, – охлаждение и покраснение. По известным Эллис прогнозам это должно было произойти с Солнцем через полтора-два миллиарда лет после ее рождения. Солнце увеличиться в размерах до двух тысяч раз и превратиться в красного гиганта с горячим, плотным ядром, окруженным раздутой, покрасневшей газовой оболочкой, которая, расширяясь, поглотит орбиты Меркурия и Венеры.

«Не в такую ли систему привел „Антей“ тот дрейф, которым так самоотверженно пытался управлять ЭКАЛ?…» – подумала Эллис, переключая внимание на изуродованную корму космического корабля.

В кроваво-красном свете повисшей в пространстве позади «Антея» звезды, ее глазам предстала удручающая и безрадостная картина.

На том месте, где раньше располагались реакторные отсеки, узкоапетурные фотонные пушки и сращенный с ними фотонный отражатель сейчас сиротливо торчало несколько огарков мощных крепежных опор, вокруг которых дыбились оплавленные и покореженные огрызки бронеплит бывшей обшивки, да еще размотавшиеся витки страховочных тросов удерживали за обрубком кормы несколько больших, бесформенных обломков.

Она перевела взгляд чуть выше и правее.

Единственный посадочный модуль «Антея» стоял, неуклюже накренясь, на обнажившихся в результате взрыва плитах ангара. Его внешний вид не давал никаких поводов для оптимизма, – все внешние коммуникации снесены, обшивка местами покрыта остекленевшими язвами ядерных ожогов, стыковочные узлы деформированы. Один край модуля оторвало от площадки все той же безумной силой, что искалечила «Антей» и швырнула его в бездну пространственно-временной аномалии, и теперь многотонная конструкция держалась лишь на двух деформированных стыковочных узлах, словно впившись ими в уцелевшую стену ангара.

Эллис не стала связываться с ЭКАЛом. Она и без него отлично понимала, что автономный энергетический запас модуля – это единственный шанс для нее и для всего корабля. Поэтому, подергав фал и убедившись, что он прочно закреплен за скобу, Эллис отключила магнитные подошвы сапог и, оттолкнувшись от края провала, прыгнула в бездну…

* * *

Поначалу ее охватил панический ужас, когда спасительный срез спирального коридора вдруг начал стремительно удаляться, вместе с цилиндрической, тупоносой громадой «Антея», – Эллис на миг показалось, что фал сейчас оборвется, и она навсегда станет добычей хищной, прожорливой Бездны, что расплескалась вокруг, подавляя психику своей бесконечностью. Багровый, пылающий шар звезды несколько раз проплыл в поле ее зрения, но это хаотичное, паническое вращение длилось не больше нескольких секунд, – почти тот час сработал микропроцессор ее скафандра, и за спиной Эллис включился реактивный ранцевый двигатель. Несколько коротких сполохов остановили вращение ее тела, а затем мощный, рассчитанный компьютером скафандра импульс толкнул ее через провал пустоты к обезображенному ангару «Антея», где, накренясь, застыл посадочный модуль.

Когда магнитные подошвы ее скафандра наконец коснулись опаленного пола ангара, Эллис казалось, что она прожила целую жизнь, болтаясь в тошнотворной, пугающей бездне открытого космического пространства.

Но ее отчаянный прыжок был вознагражден, – один из трех расположенных в днище посадочного модуля аварийных люков практически не пострадал, и она без особых усилий сумела открыть его, и попасть на борт спускаемого аппарата.

Здесь было тесно, темно и тихо. Включив фонари гермошлема Эллис отрегулировала фокусировку и, отсоединив фал, который тонкой нитью протянулся от черного провала изуродованной кормы к взломанному ангару, прошла по короткому коридору в рубку управления посадочным модулем.

Ее измученное сердце радостно дрогнуло, когда она увидела на темном пульте управления две изумрудные искры работающего резерва. Накопители модуля были полны. Он ждал своего часа, и вот он пришел…

– ЭКАЛ, модуль включен в бортовую сеть? – спросила Эллис, активируя пульт.

– Да, Эллис. Если ты прикажешь его компьютеру переключить питание на «Антей», то я получу необходимую энергию. Позже можно будет развернуть секции солнечных батарей, прямо на обшивке «Антея». – обнадежил ее голос. – Мне нужен лишь первичный запас энергии, для запуска основных систем корабля. Потом эти затраты будут восполнены.

– Сейчас ты получишь энергию, ЭКАЛ… – пообещала она, нажимая затянутыми в гермопластик пальцами соответствующие сенсоры на пульте управления модулем.

– Эллис? – Вторгся в ее сознание осторожный голос ЭКАЛа.

– Да? – отозвалась она. – Я слушаю.

– Я нашел почти все звездные ориентиры. – Внезапно сообщил бортовой компьютер. – Положение звезд сильно изменилось. Но экстраполяция позволила опознать их.

– И что?! – Бросив работу Эллис напряглась. – Говори ЭКАЛ! – потребовала она.

– «Антей» в границах Солнечной системы, Эллис. – доверительно сообщил голос. – Этот красный гигант, что висит за кормой, – эволюционировавшие Солнце. Сейчас я наблюдаю Венеру и Землю, которые изменили свои орбиты. Меркурия больше нет. Его орбиту поглотила фотосфера Солнца… – монотонный глас бортового кибермозга вдруг отдалился словно уши Эллис заложило ватой…

Сказать что это сообщение потрясло ее, – значит не сказать ничего. Некоторое время она не могла ни говорить, ни дышать, словно ее парализовало.

Наконец она медленно подняла голову в гермошлеме и почему-то глядя в потолок модуля спросила дрожащим, упавшим голосом:

– ЭКАЛ, сколько же прошло времени?!

– По моим подсчетам, сделанным на основе изменения рисунка созвездий, – чуть больше трех миллиардов лет. – Бесстрастно заключил голос.

* * *

Ходовая рубка тонула в полумраке.

На пультах управления лениво перемигивались контрольные огни, складываясь в привычные геометрические узоры. Эллис сидела, облокотившись о наклонную навигационную панель, и задумчиво смотрела в расплескавшуюся на обзорном экране звездную бездну.

За два месяца, что прошли с момента ее пробуждения, многое изменилось, как внутри корабля, так и в душе самой Эллис Хойланд.

Она уже оправилась от физического недомогания после долгого низкотемпературного сна, но ее лицо, вопреки хорошему самочувствию, еще больше похудело и осунулось, а под глазами залегли синеватые тени.

Слишком много ей пришлось понять, и пережить за столь короткий срок. Она видела такое, что впору было сойти с ума…

Эти ирреальные, фантасмагорические картины постоянно присутствовали и на экранах, и в ее душе, создавая некий психологический прессинг, живо напоминая о том, сколь далеко и безвозвратно то прошлое, в котором она когда-то жила.

Меркурий, что пылающим болидом чертил свою орбиту внутри красноватой фотосферы распухшего солнца, год от года сгорая в ядерном горниле… Венера, что вскоре должна была разделить его участь, и плыла темно-вишневым, раскаленным шаром, окруженным щупальцами плазменных вихрей, на фоне более светлого багрянца, в который окрасился огромный диск постаревшего Солнца… – обе эти картины производили на Эллис сильное, гнетущее впечатление.

Земле повезло больше, – она успела убежать с прежней орбиты, отодвинувшись по спирали вглубь системы, но при этом она потеряла луну, – свою верную спутницу, которую разорвало на части, в следствии катастрофических скачков гравитации, и теперь она, разделив участь легендарного Фаэтона, вытянулась астероидным поясом обломков между орбитами Земли и Венеры.

Все это, вместе взятое было трудно осмыслить, но еще труднее оказалось поверить в то, что возможен столь чудовищный скачок времени. ЭКАЛ возлагал ответственность за это на ту аномальную область пространства-времени, куда «провалился» «Антей» в результате взрыва реакторных отсеков.

Эллис не могла ничего возразить. Она проверила экстраполяцию кибермозга относительно звездных ориентиров и пришла к тому же самому выводу, – «Антей» вошел в границы Солнечной системы спустя три с лишним миллиарда лет после своего исторического старта с лунной орбиты.

Ей пришлось смириться с этим и принять за факт.

Гораздо больше ее угнетало полное отсутствие следов человеческой деятельности. Земля, со всей очевидностью была мертва. Телескопы «Антея» не работали, но даже без увеличения в проплывающей на левом траверсе «Антея» тусклой горошине трудно было признать колыбель человечества. Куда подевалась ее нежная, оттененная белыми перьями облаков голубизна? Теперь Земля стала коричневато-серой, угрюмой,

словно летящий в космосе кусок шлака…

Печальное, гибельное для разума зрелище…

Но Эллис все же не теряла надежды. Она провела не один день за терминалом ЭКАЛа, рассчитывая новые орбиты планет, изменившиеся вследствие потери Солнцем части своей массы. Учитывая возросшую светимость и объем родной звезды, она пришла к выводу, что на мертвых в прошлом спутниках Юпитера, таких как Европа, Каллисто или Ганимед, вполне могла существовать современная жизнь. Была ли она отголоском человеческой цивилизации, или же зародилась сызнова, в результате резкого потепления наступившего на этих спутниках, она конечно не знала, но надеялась, что ей еще удастся это узнать.

В жидкотопливных двигателях ориентации «Антея» еще оставалось немного горючего, и Эллис, произведя навигационные расчеты, откорректировала дрейф космического корабля таким образом, чтобы он, пройдя сквозь всю Солнечную систему, попал в гравитационное поле Юпитера, описал петлю, погасив при этом большую часть своей скорости за счет притяжения планеты-гиганта, и в конце концов, спустя полгода, стал его спутником…

Эллис знала, что если она опустит руки, то сойдет с ума за считанные дни.

Многое изменилось на борту «Антея». Получившие энергию кибернетические механизмы, под неусыпным контролем ЭКАЛа занимались наладкой и восстановлением поврежденных систем корабля. Эллис старалась принимать самое непосредственное участие в их работе, порой доводя себя до полного физического изнеможения, но это был единственный способ уйти от одиночества и сохранить рассудок в пустом корабле.

Самым главным, по мнению Эллис, было восстановление посадочного модуля, и не смотря на осторожные замечания ЭКАЛА по поводу приоритетности задач, она уделяла ему максимум внимания. Ремонтные роботы под ее неусыпным контролем буквально заново воссоздали все три стыковочных узла, и срезали часть изуродованного взрывом стартового створа, который нависал над самым модулем. Это потребовал больших затрат времени и энергии, но зато теперь Эллис была уверена, что в нужный момент модуль сможет свободно отделиться от «Антея» и совершить самостоятельный полет.

Она еще не подозревала, как скоро ей придется воспользоваться им.

Она сидела, глядя на далекий и тусклый шарик Земли, когда ставшую уже привычной тишину ходовой рубки вспорол отрывистый и

звонкий сигнал поискового радара.

«Метеорит?!» – с тревогой подумала она, оборачиваясь к индикационным панелям.

Радар молчал, лишь на зеленоватом поле дисплея медленно гасла точка.

– ЭКАЛ, что это было? – спросила она, но компьютер еще не успел ответить на ее вопрос, как звуковой сигнал радара вдруг захлебнулся длинной и тревожной трелью. Точка на дисплее вспыхнула с новой силой, – объект был уже совсем рядом!

Эллис невольно вскинула голову, взглянув на обзорный экран, и оцепенела…

Там на фоне ярких россыпей звезд, окруженный радужным сиянием навигационных огней, стремительно скользил космический корабль. Он двигался так быстро, что Эллис не успела ничего предпринять, а он уже исчез, истаял во мраке космоса, напоследок ослепив видеокамеры «Антея» нестерпимо-голубым выбросом своей двигательной установки.

– Нет!!! – В ужасе вскрикнула Эллис, оседая в кресло. – Нет!… Остановись!!!

Но корабль уже исчез.

– Неклассифицированный, управляемый объект искусственного происхождения, принадлежность неизвестна, – Запоздало начал докладывать ЭКАЛ. – Проследовал по касательной, угрозы столкновения не было, предположительный курс, – планета Земля…

Эллис словно обезумела.

Она уже не слышала монотонный голос машины, все еще докладывавший о параметрах объекта.

Это был корабль… Космический корабль, что направлялся к мертвой по ее мнению Земле! Но почему? Почему он прошел мимо, даже не притормозив, когда «Антей» вот уже два месяца непрерывно посылает в космос сигнал бедствия!…

На информационном экране появилась выданная ЭКАЛом схема траектории движения объекта. Эллис уже не владела собой. На нее словно снизошло безумие. Душевное равновесие, что так старательно, по крохам культивировала она в самой себе, вдруг рассыпалось, рухнуло, будто карточный домик.

Почему ты прошел мимо?!… – с невыразимой мукой думала она, отслеживая взглядом тонкую нить курса, которая упиралась в околоземную орбиту и терялась там… – Значит жива Земля? Жива?!…

Ни трепетные огоньки приборов, ни сияющие ровным светом

мониторы не могли дать ей ответа на такой вопрос. Эфир оставался нем и глух. Лишь призрачная нить курса неизвестного корабля тянулась к обезображенной, изменившейся до неузнаваемости Земле.

Эллис не нужно было думать, для принятия решения. Все еще дрожа и всхлипывая она выпрямилась в кресле положив пальцы рук на сенсорную клавиатуру. В ее душе творилось что-то невообразимое, там все плакало, смеялось, пело, рвалось на части и вновь сливалось в одной только мысли – догнать!… Ее надеждой и смыслом жизни стала вдруг тоненькая, трепещущая курсовая нить…

– ЭКАЛ, экстренное торможение на планетарной тяге! – Приказала она, торопливо застегивая страховочные ремни кресла. – Беру ручное управление! – предупредила она.

– Эллис, у «Антея» почти не осталось планетарного топлива. – Напомнил ей голос бортового компьютера. – Корабль уже не сможет вернуться на рассчитанный ранее курс.

– Делай, что тебе говорят! – Внезапно сорвалась Эллис. Она даже помыслить не могла о том, чтобы просто спокойно пролететь мимо.

ЭКАЛ подчинился.

Первыми заработали двигатели ориентации. Картина звездного узора Вселенной на экране телескопического обзора начала медленно смещаться вправо. Затем на несколько мгновений включились маршевые двигатели планетарной тяги, и «Антей», описав в пространстве плавную дугу, лег на новый курс.

Теперь шарик Земли застыл точно в центре лобового экрана.

Скорость «Антея», который она специально разгоняла, расходуя планетарное топливо для рандеву с Юпитером, была велика, и теперь Эллис пришлось тормозить. Иначе она просто рухнет в гравитационный колодец Земного притяжения, а на долгие, кропотливые маневры с касательными траекториями у нее не было ни времени, ни сил…

Она отдала соответствующий приказ, и «Антей» вздрогнул, вобрав своим дряхлым корпусом первый импульс тормозных двигателей. На счетчике перегрузок пополз вверх красный столбик светового индикатора. В глазах Эллис внезапно потемнело, и она была вынуждена вцепиться в подлокотники кресла, пытаясь побороть дурноту…

Минута торможения… В ее голове царил настоящий хаос от показаний десятков приборов. Оглушенный перегрузками мозг и ослабевшее без тренировок тело отказывались работать с нужной скоростью, и она смогла лишь контролировать действия ЭКАЛа.

Секунды тянулись словно часы. Эллис смотрела как медленно

падает значение скорости, а Земля уже превратилась из горошины в мячик для гольфа и продолжала расти. «Неужели не успею затормозить?!» Ее тело, сопротивляясь перегрузкам, превратилось в упругий комок мышц, изнывающих от боли, но она знала, что выдержит все, любую физическую муку, лишь бы еще раз увидеть этот корабль…

Десять минут торможения… Сколько же еще?!… Земля уже приблизилась настолько, что начала заполнять собой весь передний обзорный экран. Она надвигалась, мрачным, пухлым шаром, серо-коричневого цвета, словно была посыпана пеплом. В ее атмосфере угадывались вихри бушующих там циклонов.

Как трудно дышать… Боль огнем располосовала грудь, но она не обращая внимания на мучения тела, до рези в глазах вглядывалась в экран, пытаясь угадать на околоземной орбите хоть какой-то признак присутствия таинственного корабля.

Неужели он пошел на посадку?

И вдруг перегрузки схлынули. Все… Кончилось планетарное топливо. Она даже не смогла заплакать… Просто застыла в кресле, глядя в экраны похолодевшими, пустыми глазами. Чуда не произошло. Она упустила свой шанс. Скорость сближения «Антея» с землей все еще оставалась столь велика, что корабль должен был неминуемо разбиться, сгорев в атмосфере.

– ЭКАЛ, попытайся выйти на орбитальный виток! – приказала она, вставая с кресла.

Бортовой компьютер стоически воспринял приказ.

Эллис распахнула шкаф, доставая скафандр. Опять ее последней надеждой стал посадочный модуль. Она чувствовала, что совершает непоправимый шаг, понимала, что бросает «Антей» и ЭКАЛ…

На глаза внезапно навернулись горячие слезы.

«Прощай… – мысленно шептала она, лихорадочно застегивая замки скафандра. – Прости меня, ЭКАЛ…»

Уже не в силах сдержать подкативших к горлу рыданий, она развернулась и бегом бросилась прочь из рубки.

Это было похоже на наваждение или внезапное безумие.

Эллис бежала по пустым, ярко освещенным переходам «Антея», и понимала, что все рухнуло, навсегда, безвозвратно… Она не должна была столь бездумно менять курс, сжигать по своей прихоти последнее горючее… И в то же время она понимала, – не сделай она этого безумного поступка, то никогда уже не смогла бы простить себе упущенный по нерешительности шанс, ведь она своими глазами видела этот космический

корабль, да и сенсоры ЭКАЛа подтвердили его материальность!

Через несколько минут она уже была в модуле. Включить пульт, произвести необходимые манипуляции, одновременно считывая показания приборов, – все это заняло столь малый отрезок времени, что она опомнилась лишь в тот момент, когда легкий толчок возвестил о произошедшей только что расстыковке.

Тупоносая, цилиндрическая громада «Антея», скупо освещенная несколькими габаритными огнями, внезапно повернулась и начала стремительно удаляться, проваливаясь в чернильный мрак космоса.

В груди Эллис вдруг образовалась неприятная, сосущая пустота. Все… Мосты были сожжены и дороги назад не осталось, – на возвращение уже не хватит планетарного топлива модуля, часть которого она перекачала в двигатели «Антея» для разгона и ориентации на Юпитер.

Земля резко приблизилась, наваливаясь своей массой на экраны. Атмосфера родной планеты казалась мутной, словно в ней присутствовала пылевая взвесь. Высокое альбедо не позволяло сканирующим системами пробиться под покров облачности.

Все околоземные орбиты были пусты, и теперь у Эллис оставался единственный выход, – посадка на остатках горючего.

Она в последний раз бросила взгляд на обзорные экраны, в поисках «Антея», и не найдя его, взялась за сенсорные рычаги ручного управления.

Посадочный модуль, похожий на блестящего жука, с поджатыми под брюхо опорами-лапками, осветился пламенем реактивного выхлопа и начал сползать с орбиты навстречу мрачной, клубящейся атмосфере Земли.

Там под облаками ее ждал тот мир, что Эллис покинула три с лишним миллиарда лет назад…

* * *

Полет сквозь густую, наполненную пылью и пеплом, клубящуюся облачность, походил на спуск в библейский ад.

На этой планете нельзя было жить, – все приборы спускаемого аппарата кричали об этом. Процент кислорода в атмосфере Земли упал так низко, что нечего было и думать о дыхании без скафандра. Температура за бортом достигала семидесяти градусов по шкале Цельсия, но у Эллис еще не умерла слабая надежда на города-убежища, которые могли выстроить люди, спасаясь от настигшего Землю катаклизма.

Увы, ее надежды растаяли как дым, стоило посадочному модулю вырваться под угрюмые облака…

Поверхность Земли, освещенная тусклым, красноватым светом,

была полностью лишена жизни. Эллис словно вернулась в те доисторические времена, когда жизнь еще не зародилась, и планета пребывала в стадии своего формирования.

Страшный, удручающий конец для человечества, и для нее, в частности.

Она уже больше не могла страдать, – просто машинально вела модуль, окидывая проносящиеся внизу ландшафты потухшим взглядом. Она чувствовала себя последним представителем Человечества.

На серой, покрытой пеплом, пыльной равнине, которая по данным навигационного блока когда-то была Центральной Европой, возвышались внушающие трепет, разрушенные временем и стихиями каркасы городов-мегаполисов. Обвалившиеся, местами полностью стертые транспортные артерии тянулись от них во все стороны, словно сморщенные кровеносные сосуды…

Трагический памятник былому величию Цивилизации.

Эллис уже не могла плакать… Ее глаза оставались сухими, как горячие, пыльные равнины родной планеты.

Она больше не пыталась найти тот гипотетический корабль, чье внезапное появление толкнуло ее на безумный поступок.

Вид останков Человечества так глубоко потряс ее, что собственная судьба на какой-то миг вообще перестала существовать для нее.

Она повела модуль на посадку, подле огромного города, который когда-то возвышался над материком на десятки километров, а теперь лишь редкие, изломанные временем вершины разрушенных зданий достигали едва ли одной трети этой высоты, и все равно, маленький спускаемый аппарат «Антея» казался лишь серебристой пылинкой на фоне мрачных и величественных руин.

Когда опоры модуля коснулись Земли, взметнув в горячий воздух фонтаны песка и пепла, она молча отстегнулась от кресла и пошла к шлюзовой камере.

Это был ее последний путь. Эллис уже не жалела ни о чем. Ее судьба свершилась. То странное состояние, в котором пребывала она последние несколько минут, походило на наваждение или гипноз. На ее душе было спокойно. Она ощущала великую скорбь этих руин.

Безвозвратно погибшая Цивилизация… Быть может часть человечества покинула родную систему, на кораблях, подобных «Антею» и нашла пристанище в других мирах?

Эллис не знала этого.

Она спустилась по трапу и ступила в клубящуюся у колен пыль.

Немного постояла, озираясь вокруг, а потом пошла к городу, оставляя после себя длинную цепочку следов, как американские астронавты, высадившиеся на Луну оставляли такие же исторические отпечатки в лунном реголите…

Эллис не знала, куда и зачем идет.

Ей хотелось немного побыть тут, коснуться рукой останков своего неизмеримо далекого прошлого. Величественность руин подавляла.

Не дойдя сотни шагов до ближайшей стены, она села на торчащий из-под песка выступ какой-то древней коммуникации и взглянула на далекий, затянутый пылью и пеплом горизонт.

Там кто-то шел…

В первый момент разум Эллис не смог адекватно оценить зрительную информацию, и только спустя несколько мгновений до нее дошел смысл увиденного…

Навстречу ей, прорисовываясь сквозь клубящуюся, красноватую мглу, неторопливой походкой шел человек… без скафандра!

Она онемела, невольно привстав, и уже не веря больше ни глазам, ни каким-то другим чувствам.

Заметив ее, человек остановился и приветливо помахал рукой. Затем направился к ней. Он шел легко и непринужденно, совсем не проваливаясь в песок, словно был невесом.

Остановившись в двух шагах от нее, он улыбнулся.

– Здравствуйте, Эллис. – Произнес он, внимательно изучая застывшую как изваяние фигуру в запорошенном пылью скафандре. Он был высок и молод, голубые глаза смотрели на нее со спокойным, доброжелательным вниманием. – Добро пожаловать домой, на Землю. – Добавил он, не дождавшись ответного приветствия от оцепеневшей фигуры.

Эллис была уверена, что сошла с ума, и ее больное сознание породило этот, предшествующий смерти фантом, но все же она нашла в себе силы и спросила:

– Кто вы?

– Человек. – Невозмутимо ответил незнакомец. – Меня зовут Андрей. Я живу тут, неподалеку.

Эллис облизала внезапно пересохшие губы и бросила моментальный, косой взгляд в сторону руин, словно надеялась увидеть там нормальные дома и зелень парков… но останки мегаполиса по-прежнему угрюмо возвышались на своем месте, не оставляя никаких сомнений в своей материальности.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – не придумав ничего другого спросила она.

– Мы давно наблюдали за вашим кораблем, Эллис.

– Вы принимали мой сигнал?!

– Конечно. Уже очень давно, – повторил он, продолжая приветливо улыбаться.

Губы Эллис искривились горькой усмешке. Человек заметил это, не смотря на фильтры ее гермошлема.

– Все не так просто. Мы не могли откликнуться сразу. – Ничуть не смущаясь пояснил он. – И даже откликнувшись не смогли бы помочь.

– Почему?

– У нас больше нет средств передвижения в космическом пространстве. – Объяснил Андрей. – Да они и ни к чему. – тут же оговорился он. – Жизнь на Земле очень изменилась. Вы ведь уже успели заметить удручающие перемены?

Эллис нашла в себе силы кивнуть.

– Как вы…

– Как я дышу? – угадал он ее недоумение. – Я не дышу, Эллис. По крайней мере в физиологическом понимании этого процесса. – Он указал на выступ трухлявой трубы. – Давайте присядем.

Она машинально исполнила его просьбу.

– Земля не умерла. – Проговорил он, полуобернувшись к ней. – И Человечество продолжает жить. Оно расселилось по всей Галактике, а вот мы остались тут, на родине. – Он усмехнулся. – Ваше появление стало таким же шоком для нас, как для вас вид мертвой и обезвоженной Земли. Поверьте, мы сделали все, что смогли, чтобы помочь, но для этого вы сами должны были вернуться сюда, на Землю, где в нашей власти творить чудеса.

– Этот корабль!? – вскрикнула Эллис.

– Да… – подтвердил ее догадку Андрей. – Это был фантом. Очень реальный с точки зрения технологий той эпохи, из которой стартовал «Антей».

Эллис вновь огляделась по сторонам и вдруг резко спросила:

– Кто вы?!

Андрей не смутился этим вопросом.

– Мы те, кто не пожелал покинуть погибающую Землю. – ответил он. – Смотрите!

Неуловимый жест, и все вокруг вдруг сказочно переменилось.

Эллис невольно вскрикнула, озираясь по сторонам.

Исчезли клубы пыли и удушливый серый воздух. Небо просветлело, руины исчезли, – перед ней возвышался сказочный, сверкающий бриллиантовыми россыпями огней город, окруженный свежей зеленью умопомрачительных парков.

Она перевела потрясенный взгляд на Андрея. Тот сидел не на обломке ржавой трубы, а на удобной скамейке. Легкий ветерок лениво шевелил траву газона у его ног.

– Нравиться? – вновь улыбнувшись, спросил он.

Эллис не знала что ей ответить.

– Кто вы? – упрямо и хрипло повторила она свой вопрос, не смея оторвать взгляд от чарующих пейзажей.

– Мы люди. – Невозмутимо повторил Андрей. – Наш разум записан в виде электронных импульсов в глобальной компьютерной сети Земли.

– Вы призраки? Фантомы?

– Нет. – Покачал головой Андрей. – Не стоит вновь поднимать вопрос о том, что является первичным, – сознание или материя. Я скажу вам лишь одно – человек – это душа, мысли, личность, а тело – лишь бренная оболочка, капризный и недолговечный носитель разума. Мы живем ровно столько, сколько хотим, – от нескольких лет до вечности, кому как нравиться. И не потеряли ни остроты человеческих ощущений, ни чувств, ни образа жизни… – Он задумчиво посмотрел вдаль и добавил:

– Пройдет еще несколько миллиардов лет и наше Солнце превратиться в белого карлика, потом же вовсе угаснет, а мы останемся жить. – Он поднял глаза, взглянул на нее и сказал, буднично, спокойно:

– Присоединяйтесь к нам, Эллис. Мы сможем помочь не только вам лично, но и тем, кто был перемещен ЭКАЛом из криогенных камер «Антея» в холодильные камеры медицинского модуля. Обещаю, что спасем всех, за исключением командира и дежурной вахты, кто бодрствовал в момент катастрофы. Их тела обратились в прах, мозг безвозвратно утрачен, и тут мы бессильны…

Эллис все еще не верила тому что видит и слышит. Слишком велико было ее потрясение…

Андрей повернулся. Взмах руки, – и виртуальный мир исчез, схлопнулся до размеров руин, что застыли в тяжком мареве пепельных облаков.

Эта перемена вновь потрясла ее, до самых глубин души.

– Я согласна… – едва слышно прошептала она.

* * *

Андрей не солгал. Они все были тут, весь экипаж, за исключением командира и дежурной вахты.

Даже больше, чем все.

Эллис остановилась на пороге комнаты, чувствуя как теплый ветерок, врываясь через приоткрытую дверь балкона на сто седьмом этаже мегаполиса, перебирает складки ткани ее легкого летнего платья.

Ее внимание привлек высокий, статный, и смутно знакомый молодой человек. Его лицо что-то отдаленно напоминало ей… Эллис даже почувствовала неприятную боль и покалывание в груди…

Присутствующие в комнате еще не видели ее, – разбившись на группы они разговаривали между собой, кто-то курил, усевшись на широкий подоконник, и по воздуху плыли сладковатые, сизые струйки сигаретного дыма.

Незнакомец стоял ближе всех к двери. Рядом с ним не было никого.

Эллис наконец решилась и переступила порог.

Он тут же обернулся, заслышав легкий шорох ее шагов.

Что-то подтолкнуло ее, и Эллис, остановилась. Посмотрев в его глаза она спросила, как у Андрея, несколько дней назад:

– Ты кто?

Он улыбнулся. Непринужденно и тепло.

– Не узнала?

– Нет.

– ЭКАЛ, Эллис. Меня зовут ЭКАЛ…